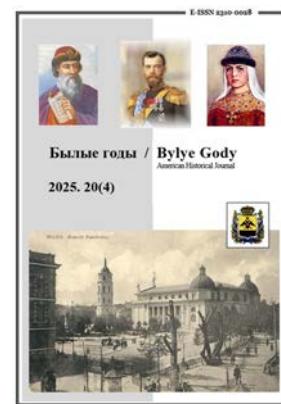

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(4): 2111-2120
DOI: 10.13187/bg.2025.4.2111

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Mechanisms for the Provision of the Forced migrants' Educational Needs in Siberia during the First World War

Alexandra S. Kuzmenko ^{a, b, *}, Lyudmila E. Marinenko ^a, Ekaterina A. Grigoryeva ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The intensification of migration flows in the context of the escalation of local military conflicts and terrorist danger forces any state to pay special attention to working with forced resettlement, primarily when implementing the political line of national security. The First World War boosted the phenomenon of forced migration, strengthening new adaptation tasks, among which we find the educational aspect. It should be noted, that despite the fact that a number of researchers from different fields were engaged in the study of migration processes at that time, the problem of their adaptation was considered only in the aspect of charity.

Moreover, researchers focus mainly on the problems of organizing the education process for certain ethnic groups, ignoring the broader subject of research – educational activities in relation to migrants in general, as representatives of various social groups and communities. The purpose of this article is to analyze the mechanisms for the provision of educational needs regarding all the categories of forced migrants in Siberia during the First World War. Assuming the scale of forced migration and the complexity of its internal structure, the authors based their research on a system approach. The article is based on historical-sociological and historical-typological methods, the application of which made it possible to identify typical structural mechanisms in the educational field of public activity. As a result of the study, the authors came to the conclusion that the short-sighted policy of the government, that were caught between two stools – an idea of strict subordination of migrants' education to the state and an attempt to pass all the expenses (especially the financial part) to public organizations and regional authorities, discredited and neutralized the positive aspects of the activities. A significant role was also played by the lack of any developed methodology in the field of spiritual assistance to migrants.

Keywords: Forced migrants, education, Committee of Her Imperial Highness Grand Duchess Tatyana Nikolaevna, Siberia, World War I.

1. Введение

Усиление миграционных потоков в условиях эскалации локальных военных конфликтов и вспыхивающих очагов террористической опасности заставляет любое государство уделять особое внимание работе с недобровольным переселением, в первую очередь при реализации политической линии национальной безопасности. Наиболее логичными и общеизвестными на первых этапах, как правило, становятся проблемы обеспечения базовых жизненных потребностей мигрантов такого типа – питание, жилье, минимальное обеспечение одеждой, медицинской помощью и т. п. Нередко (особенно для обывателя) на этом исчерпываются основные формы государственной работы. Однако вскоре становится очевидным, что не менее важными и значимыми оказываются иные адаптационные мероприятия, среди которых далеко не одна помощь в трудоустройстве.

* Corresponding author

E-mail addresses: edu.hi@mail.ru (A.S. Kuzmenko), lmarinenko@sfu-kras.ru (L.E. Marinenko), ekrigoreva@sfu-kras.ru (E.A. Grigoryeva)

Существенным (особенно для сообщества-реципиента) становится вопрос образовательных потребностей мигрантов различных возрастов (не исчерпываясь образованием детей).

Первая мировая война, породив целый ряд проблем, с которыми пришлось столкнуться практически всем участвовавшим странам, также актуализировала феномен недобровольной миграции. В тот период исключительность его заключалась в беспрецедентной массовости: тысячи людей покидали нажитые ими места, устремляясь в незнакомые земли, туда, где их нередко никто не ждал. Тем самым она усилила уже известные и, вероятно, впервые поставила новые адаптационные задачи, среди которых находим и образовательный аспект.

2. Материалы и методы

Источниковой базой работы послужили неопубликованные делопроизводственные документы из фондов нескольких архивов. Фонды Ф. 6787 «Министерство государственного призрения» и Ф. 1769 «Коллекция документальных материалов центральных и местных административных, жандармских, полицейских, судебных учреждений и учебных заведений в Царстве Польском» Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) (Москва, Российская Федерация) содержат материалы правительственный учреждений, характеризующие российскую государственную политику в отношении недобровольных мигрантов двух типов – выселенцев и депортированных. Коллекции фондов Государственного архива Красноярского края (ГАКК) (Красноярск, Российская Федерация) (Ф. 595 «Енисейское Губернское Управление» соответственно) и Государственного архива Иркутской области (ГАИО) (Иркутск, Российская Федерация) (Ф. 25 «Канцелярия Иркутского генерал-губернатора») позволили выявить особенности деятельности региональной бюрократии и общественных организаций в сфере обеспечения образовательных нужд приезжих.

Кроме того, в работе использовались материалы сибирских журналов и газет дореволюционного периода («Вестник Красноярского Городского Общественного Управления», «Вестник Приенисейского Края», «Сибирская жизнь»), раскрывшие, в первую очередь, публичные механизмы работы с мигрантами и уровень их влияния на сообщество-реципиент.

Также в процессе исследования были проанализированы мемуары Нита Степановича Романова, историка и библиофила (1871–1942), проживавшего в Иркутской губернии в изучаемый период. Его труд, начатый в форме дневниковых записей ещё с 18 лет, запечатлел свидетельства очевидца не только о повседневной жизни сибирского провинциального города. Так как в своей работе он использовал различные документы (в том числе архивные), записки, устные рассказы иркутян, иные труды о Сибири, в ней нашли отражение события времён Первой мировой войны и, конечно, особенности притока недобровольных мигрантов в Иркутскую губернию.

Учитывая масштаб недобровольной миграции и сложность её внутренней структуры, за основу исследования был взят системный подход. Он дал возможность охарактеризовать изучаемые механизмы как явление комплексное, затрагивающее различных акторов и развивающееся под влиянием как внутренних, так и внешних факторов.

В работе применён историко-социологический метод, позволивший исследовать обеспечение образовательных нужд мигрантов как социальный процесс в его временной динамике и развитии. Также в целях выявления типичных структурных механизмов такой общественной деятельности был применён историко-типологический метод.

3. Обсуждение

Несмотря на то, что изучением миграционных процессов в рассматриваемое время занимался целый ряд исследователей из разных областей (Кудринский, 1997; Керстен, 1917; Волков, 1930; Сидоров и др., 1968; Курцев, 1999; Нам, 2003; Гатрелл, 2001 и др.), проблема их адаптации, как правило, рассматривалась лишь в аспекте благотворительности.

Современники непосредственно в 1910-х – начале 1920-х годов сосредотачивали своё внимание на деятельности различных этнических обществ и всероссийских союзов по финансовой и материальной помощи беженцам (Кустов, 1917; Рацкевич, 1916). При этом довольно значимый пласт составляли фактически анонимные труды. Дело в том, что они представляли собой коллегиальную отчётность различных государственных и негосударственных организаций и выполняли в первую очередь функцию для служебного использования (Краткий обзор, 1916 и др.).

Советская историография эту «неудобную» тему практически не разрабатывала. Сведения, касавшиеся недобровольной миграции, излагались попутно, в рамках более общих трудов или работ по смежным дисциплинам (Анфимов, 1962; Сидоров, 1973; Китанина, 1985; Брук, Кабузан, 1991). Так, Т.Е. Солодков коснулся описываемой проблематики в контексте неспособности имперского правительства справиться с возникшими трудностями, чем охарактеризовал попечительскую политику государства, направленную на беженцев (Солодков, 1967). В целом, как и ранее, научная мысль сосредоточилась на изучении только беженского аспекта недобровольной миграции.

Глубокий анализ проблематики недобровольной миграции представлен в работах современных учёных-историков. Примером может служить комплексный труд под руководством И.П. Щерова, посвящённый в целом миграционной политике в России, и ряд диссертационных работ,

рассматривавших недобровольную миграцию на региональных примерах (Щеров, 2000 и др.). В это же время впервые стал предметом изучения и образовательный аспект. Однако пока исследователи сосредоточиваются преимущественно на обучении в отношении отдельных категорий этносов (Островский, 2012; Сулимов, 2012; Сулимов, Гончаров, 2021). При этом рассматривается только беженское движение, оставляя особенности работы в данном направлении с другими типами недобровольных переселенцев без внимания.

4. Результаты

Обращаясь к предмету нашего изучения, необходимо отметить, что в Российской империи, столкнувшейся с миграцией, вызванной масштабным военным конфликтом, уже в конце 1914 года наблюдался целый ряд различных типов недобровольных переселенческих потоков. При этом ответственность за создание столь «богатого» ранжира полностью лежала на плечах правительственные кругов, как военных, так и гражданских.

Так, специально уполномоченный по делам беженцев С.И. Зубчанов 10 сентября 1915 года, выступая на одном из совещаний, заметил, что «как только наши войска отступают, местное население сбивается в массы и бежит» (Гатрелл, 2001: 49). В другом документе («Справке к вопросу о беженцах», составленной Ставкой Верховного главнокомандующего) также подчеркивалось, что «бегство населения под натиском наступающего противника наблюдалось с самого начала войны... Страх... заставлял отходить впереди отступающих войск, останавливаясь в возможной близости от покидаемых жилищ и укрываясь в лесах, либо размещаясь в селениях, расположенных вне неприятельского обстрела» (Курцев, 1999: 129).

Подобное мнение, действительно, царило в умах военных чиновников. В результате практически все недобровольные мигранты, имевшие российское гражданство, объявлялись беженцами. На практике, однако, добровольное волеизъявление фактически отсутствовало. Люди не только бежали; десятки тысяч жителей прифронтовых губерний по различным причинам (в том числе уголовным наказаниям по «подозрению» в сотрудничестве с врагом) были выселены и перемещены насильно, а тысячи жителей временно подвластной империи Галиции были интернированы в тыловые губернии России.

Лишившись всего, мигранты нуждались в размещении, получении продуктового пайка и срочной медицинской помощи. После удовлетворения этих первейших потребностей возникали проблемы более сложного характера: прибывших необходимо было устроить на работу, чтобы они сами обеспечивали себя и тем самым сняли бремя с государственных и региональных бюджетов.

Другим, казалось бы, ненасущным, однако очень важным оказался вопрос обеспечения культурных нужд мигрантов. В частности, незамедлительного решения требовала проблема образования детей мигрантов.

При этом она была тесно связана на обеспечении приезжих рядом пособий. Типичными становились прошения, затрагивавшие этот аспект и направлявшиеся на имя главы Енисейской губернии – Иркутского генерал-губернатора. «В 1915 году мы прибыли не по своей воле в Сибирь и поместили нас на жительство..., где нам должна быть отведена бесплатная квартира и отопления, – находим в обращении от беженцев, размещенных в Канском уезде. – Но мы между прочим до сего времени получали от своего ближайшего Начальства квартирные, а также пособие на пропитание, а ныне нам отказано... При этом объясняем что мы до сего времени из наших семей получали кроме пособия и квартирных и одежду для малолетних детей, но ныне не только выдать обувь для детей, но и отказали в получении нам пособия и квартирных... прибегаем со слезами к стопам Вашим... просим Ваше Превосходительство не откажите сделайте со своей стороны распоряжение о расследовании нашего дела... а также о невыдаче одежды нашим малолетним детям, которые остаются без учения за неполучением средств купить одежду им» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 3435. Л. 178-179).

Решить проблему обеспечения образовательным ресурсом силами самих приезжих было нереально – этим занялись всевозможные государственные, местные и иные благотворительные организации.

«Совещание, – провозглашалось в резолюции Совещания по вопросам признания беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 года в Иркутске, – признавая, что соображения о необходимости предотвратить гибель целых поколений детей – диктуют необходимость принятия государством самых широких мер охраны детей школьного возраста, предлагает местным общественным организациям возбудить... вопрос о необходимых ассигнованиях на помощь детей беженцев, не помещенных в школы» (Резолюция, 1916: 86).

Первоначально данной проблемой занимался Комитет Великой княжны Татьяны Николаевны и его региональные отделения. «Настал час широко, по-русски прийти на помощь вынесшему все тяжести неприятельского напора населению пограничных окраин наших», – значилось в циркуляре Комитета, разосланном в сентябре 1914 года по губерниям империи (Сборник циркуляров, 1917: 5).

Образованные на основании этого циркуляра региональные отделения, чьё создание возлагалось в первую очередь на губернскую администрацию, основной деятельностью в этом направлении определили выдачу субсидий различным местным организациям, занявшимся

признанием мигрантов. Отметим, что сотрудники отделений трудились безвозмездно. Кроме того, для контроля за целевым расходованием выделяемых средств Комитет определил своих сотрудников в качестве уполномоченных во все субсидируемые им учреждения и организаций.

Комитет старался отвечать на каждый запрос. На местах с определённой регулярностью рассматривались устные обращения выселенцев и беженцев. «Шишко Ефросинья: муж умер по дороге, сама с тремя ребятами 13, 11 и 4 лет. На работу ходить не могу. 2 старших детей учатся, а оставить одного ребенка 4 лет дома не могу, между тем меня лишили пайка» ([ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 1112. Л. 322](#)).

Для утверждения правил и усиления эффективности работы 3 – 7 мая 1915 года было проведено специальное заседание. Одним из решений этой конференции, собравшей представителей 39 губерний, стало включение в зону ответственности Комитета «лиц из числа мирного населения, лишившихся средств, трудоспособности или единственных кормильцев и сирот, родители которых погибли от действий, связанных с войной» ([Очерк..., 1915: 20](#)).

В результате работы Комитета на местах распространилась на вопросы обеспечения образовательных нужд недобровольных мигрантов. Региональные отделения в обязательном порядке стали выделять средства не только на поддержание приютов для этой категории населения, но также на содержание школ и отдельно на заработную плату учительскому персоналу.

Предметом особенного попечения отделений стало устройство общежитий для учащихся беженцев и предоставление им возможности продолжать своё образование. К примеру, согласно летнему докладу Енисейского губернатора по IV Делопроизводству за 1916 год, содержание школы для детей недобровольных мигрантов (в первую очередь беженцев) на 286 человек за два месяца обходилось почти в 1000 рублей: 230 руб. на учительский состав и 715 руб. на остальные расходы по образовательному учреждению ([ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 1112. Л. 317об.](#)).

Иные общественные организации (в первую очередь, этнические), участвовавшие в помощи различным категориям недобровольных мигрантов, также стали выделять финансирование на образовательные нужды переселенцев. Так, согласно архивным данным, Уполномоченный Латышского Комитета определил в Енисейской губернии летом того же 1916 года на обучение детей 294 рубля ([ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 1112. Л. 318об.](#)). Отметим, что указанная сумма проводилась не напрямую, а через утверждение специального Губернского Совещания. При этом изначально Уполномоченный запрашивал сумму почти в два раза больше – 556 рублей ([ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 1112. Л. 318об.](#)).

Надо сказать, что значительная роль административного актора в деле обеспечения образовательных нужд мигрантов определилась практически сразу. Государство постоянно пыталось монополизировать образовательный процесс. Уже упомянутое выше иркутское заседание 1915 года, признавая, с одной стороны, за каждой национальностью право на культурное самоопределение, и, следовательно, право на организацию школы с преподаванием на родном языке, а с другой – право всех беженцев на организацию школ в местах их нового поселения на государственные средства, выражало чёткое пожелание, что все школы национальных организаций для детей беженцев должны быть организованы на государственные средства ([Резолюция..., 1916: 86](#)).

Местные власти, на волне общественного энтузиазма, шли дальше ограниченной политики имперских комитетов. Так, в конце 1914 – середине 1915 года в некоторых городах начали создавать для мигрантов специальные учебные заведения. К примеру, в Красноярске дети прибывающих мигрантов принимались в школу, пока существовали вакансии в учебных заведениях города. Практически всем им школьная секция Красноярского Комитета помощи беженцам выдавала учебные пособия.

Эта позиция на первый взгляд предполагала определённые положительные результаты. Концентрация ресурсов в одном финансовом потоке, непосредственно направляемом государственными органами, давала возможность контролировать само расходование средств на изначально заявленные образовательные нужды. Такое положение снижало риск нецелевых трат – в сметах уже присутствовали довольно обтекаемые статьи типа «административных расходов» и «непредвиденных расходов». Кроме того, уменьшалась банальная переброска сумм на обеспечение иных статей помощи приезжим: например, квартирные пособия и деньги, выделяемые на одежду, обувь и бельё, рассматривались как первостепенные затраты, а соответственно, на деле общественники часто предпочитали увеличить их в обход запланированных организацией позиций.

Однако была и оборотная сторона, вскрывавшаяся довольно быстро. Во-первых, в силу своей многофункциональности государственный аппарат был бюрократизирован и ригиден. Ответственные ведомства нередко ходатайствовали о пересмотре выделяемых ассигнований, которые могли рассматриваться месяцами: «...нормы оказания различных видов помощи беженцам совершенно не отвечают существующим в настоящем время ценам на продукты первой необходимости» ([ГАРФ. Ф. 6787. Оп. 1. Д. 88. Л. 200б.](#)).

Во-вторых, в губерниях местная администрация оказывалась под двойным гнётом текущего управления местным сообществом и кризис-менеджмента в отношении прибывших масс недобровольных переселенцев. Для енисейского региона ситуация ухудшалась постоянным

поступлением ещё одной категории мигрантов – военноопленных, чьё содержание обходилось государственным органам довольно дорого и лежало исключительно на их плечах.

В результате средств у таких всероссийских государственных комитетов часто не хватало даже на предоставление питания. Уже в начале 1915 года административно ссыльные Нарымского края возбудили перед начальником губернии ходатайство об увеличении казённого пособия. Отмечая в своих прошениях сильный рост цен на продукты, предметы первой необходимости и, в особенности, квартиры, они указывали на невозможность питаться на 7 рублей 20 копеек казённого пайка в месяц. «Почти всех без исключения недостаточность казённого пособия, совершенно несоответствующая дорожевизне жизни в крае, заставляет прибегать к долгам, – значилось в официальном прошении.

– Многим же, не имеющим никакой материальной поддержки извне, приходится чуть ли не погибать» ([Нарым, 1915: 3](#)).

Закономерно, что при таком раскладе главы Татьянинского общества предпочли экономить именно на духовных потребностях нуждающихся в помощи. Поэтому, через несколько месяцев после активного начала работы, в ноябре того же 1915 года выходит циркуляр, направленный на оказание помощи лишь беднейшим детям учащегося возраста. Отделениям в нём предписывалось непременно и быстро приходить на помощь обращающимся к ним организациям и отдельным нуждающимся лицам в тех случаях, когда отделение признает это необходимым ([Сборник циркуляров..., 1917: 56-57](#)). Такая обтекаемая формулировка позволяла перевести в отказ заметное число прошений, поступавших по вопросу финансирования обучения детей мигрантов.

Причём в циркулярах министра народного просвещения, предназначенных попечителям учебных округов, меры ещё более ужесточались: обращаться в комитет за компенсацией расходов на обучение детей мигрантов можно было лишь в особо крайних случаях.

Большая удалённость от фронтовых территорий ограничивала приток недобровольных мигрантов в Енисейскую губернию, что, в свою очередь, отодвигало во времени возникновение тех трудностей, с которыми европейские территории столкнулись уже весной 1915 года. Корреспондент «Вестника Красноярского городского общественного управления» характеризовал Сибирь как «пока еще богатую хлебом и мясом», подчёркивая при этом: «Сложные экономические вопросы выдвинуты самой жизнью и разрешение их властно требуется ходом событий» ([Замощин, 1915: 8](#)).

Последнее проявилось довольно скоро: с течением времени поток прибывающих не ослабевал и даже усиливался. Вследствие этого, уже в начале октября 1915 года школы были переполнены. Комитет пришёл к выводу о необходимости открытия отдельного заведения для детей мигрантов.

Исходя из этой вполне определившейся нужды, он возбудил ходатайство перед дирекцией народных училищ. Заведующим школой, открывшейся 2 ноября 1915 года, стал учитель-беженец И.А. Остапкович. Кроме него, было нанято ещё две учительницы – О.И. Уманская и Н.И. Разумова, также беженки.

Занятия проходили в Красноярском Доме Просвещения с двух часов дня до шести часов вечера.

К 1 января 1916 года обучение в данной школе проходили 173 человека, к 15 марта эта цифра несколько уменьшилась, до 120 человек, так как многие ученики уехали с родителями в уезд или другие сибирские города ([Матасов, 1916: 33](#)). Также были организованы бесплатные завтраки для всех учеников школы.

На всё это Министерство народного просвещения ассигновало сумму размером всего в 30 рублей в месяц на преподавателя. Естественно, красноярский комитет вынужден был выделить дополнительные средства. Всего за четыре месяца существования школы на её содержание было потрачено 2119 руб. 57 коп. Причём наиболее затратной статьёй расхода являлась плата за обучение, поглотившая около 40 % названной суммы (794 руб. 13 коп.). Остальные расходы распределялись следующим образом: 37 % – на учебные принадлежности (782 руб. 58 коп.), 7 % – на завтраки обучающимся (153 руб. 2 коп.), 5% – на бумагу, трико и прочие материалы для шитья одежды школьникам и даже изготовление ортопедического корсета для одной из учениц (103 руб. 74 коп.). Оставшиеся 286 руб. 10 коп. составляли жалование административных служащих, занимавшихся школьным управлением нужд мигрантов ([Отчет..., 1916: 52-53](#)).

Другой пример благотворительного энтузиазма был продемонстрирован населением Иркутска. По свидетельству Н.С. Романова, современника описываемых событий, в январе 1916 года здесь также по инициативе местных властей и благотворительных организаций было открыто сразу несколько школ. «Для детей беженцев школы, – пишет он, – в пос[елке] Инокент[ьевском] при женском монастыре, при Князе-Влад[имирском] мон[астыре], при отделении о[бщест]ва Общедост[упных] курсов, школа персонала мужской гимназии и при самом обществе курсов, при духов[ной] семинар[ии] и на дет[ской] площадке. Решено открыть двухкомплект[ные] школы в Знаменс[ком] предме[стье], Рабоч[ей] слободе, Глазково и на Троиц[кой] улице, в общ[ем] на 500 чел[овек] дет[ей]» ([Романов, 1994: 214](#)).

Вскоре финансирования стало не хватать, и, хотя школы часто не закрывались, большинство денежных «вспомоществований» были упразднены за неимением возможности их осуществлять. Практика стала себя изживать – слишком затратной и нерациональной она выглядела на тот момент. Общее сокращение финансирующих фондов привело к тому, что к октябрю 1916 года Татьянинский

комитет установил нормы субсидий, расходуемых на образование. В целях «уравнения и планомерности» предписывалось для классических гимназий – 120 рублей, для реальных, коммерческих и женских училищ – 150 рублей в год (Павлова, 2003: 100).

Бедственное положение вынудило государственные структуры урезать расходы. Первыми отказ стали получать общественные благотворительные организации и, в частности, этнические – еврейские, литовские, армянские, польские и др.

При этом необходимо заметить, что именно последние с первых дней войны взяли на себя значительную долю бремени обеспечения беженцев и других недобровольных мигрантов. Их отличительной особенностью являлась «адресная» помощь, то есть направленность на решение проблем мигрантов определённой национальности и конфессиональной принадлежности.

Для Енисейской губернии деятельность таких организаций была особенно значима в силу того, что значительную часть недобровольного миграционного потока составляли выселенцы и депортированные, вынужденные переехать по постановлениям чрезвычайного военного командования западных областей империи. «Командующий армией приказал с получением сего, в течение 24 часов, выселить из губерний всех германских и австрийских подданных, причем с лицами мужского пола в возрасте от 19 до 45 лет поступить, как с военнопленными и отправить их за Волгу, а остальным разрешить проезд в свое отечество через нейтральные страны; если же последние откажутся выехать, то высыпалить по этапу» (ГАРФ. Ф. 1769. Оп. 1. Д. 19. Л. 78).

Подавляющее большинство представителей данных двух типов составляли нерусские этносы – латыши, поляки, германские и австрийские подданные. В то же время официально государственное вспомоществование на категорию депортированного и высланного населения не распространялось.

Нерусское население империи, не пострадавшее от войны, с сочувствием следило за судьбой своих единородцев; постоянно распространялись газеты, сборники и журналы, повествующие о современной ситуации («Армянский сборник», «Щит», «Вестник еврейского просвещения» и т. д.).

Подобная этническая и религиозная солидарность по отношению к «своим братьям» способствовала тому, что данные организации уделяли особое внимание созданию школ. По сути, это была попытка сохранить национальное самосознание, язык и культуру в среде чужеродной и иногда враждебной. Так, Томский комитет вспомоществования бедствующему польскому населению осенью 1915 года открыл дневной приют-ясли. Помимо ухода и кормления, дети, содержавшиеся в нём, обучались польской грамоте воспитателями из беженцев (Сиб., 1915: 20). В Красноярске местное благотворительное Католическое Общество летом 1916 года также организовало школу на свои средства. Начав работу 25 октября, она принимала до семидесяти детей беженцев-католиков (Матасов, 1916: 34). Чуть позже, в ноябре того же 1916 года открылась литовская школа в Иркутске. Создана она была непосредственно при убежище беженцев-литовцев; обучение велось на родном языке (Романов, 1994: 277).

Особенно интенсивную помощь оказывали еврейские национальные организации. На всероссийском уровне этим занималось Общество для распространения просвещения между евреями, возникшее ещё в 1863 году. В условиях возникновения массовых потоков переселения оно было вынуждено создавать свои школы в новых районах, где нередко численность еврейского контингента до войны была крайне низка. Сибирь являлась ярчайшим примером, так как входила в список запретных территорий для их проживания.

«Общество должно следовать за рассеянным Израилем – за потоком беженцев, чтобы на новых местах созидать для них школу, в которой они нуждаются, как в хлебе насущном...» – гласило возвзвание, разосланное Обществом во все еврейские комитеты помощи. – «Приступая к святому делу культурной помощи нашим скитающимся братьям, Комитет рассчитывает на сочувствие и содействие еврейских общин и учреждений тех мест, как в черте оседлости, так и вне ее, где скопились еврейские беженские массы. К представителям этих общин и учреждений мы обращаемся с призывом – помочь нам в предстоящей сложной работе своим трудом и сбором средств на школьные нужды... От современного потока должен уцелеть ковчег нашей культуры – еврейская школа» (Мировой кризис..., 2005: 130-131).

Этот призыв широко поддержали. К концу 1916 года, по мнению А.С. Тумановой, на всей территории Российской империи национальные еврейские школы были созданы в 126 населенных пунктах, большую часть из которых составили местности, ранее входившие в «черту оседлости». В них обучалось более 18 тысяч детей (Мировой кризис..., 2005: 132).

К примеру, в Енисейской губернии евреи входили в члены Школьной секции Красноярского Комитета помощи беженцам. Из зарегистрированных в городе на 15 марта 1916 года семерых детей беженцев данной национальности, четверо посещали еврейское училище (последнее, кстати, было создано по инициативе местной общиной ещё в 1904 году).

Представители еврейской общественности Иркутской губернии регулярно делали значительные пожертвования, в том числе и на обеспечение образовательных нужд мигрантов. Так, 1 июня 1916 года местные граждане Ю.Д. и З.О. Помус отрядили «в неприкосновенный капитал» еврейской общине 6 тыс. рублей. Проценты с данного финансового капитала должны были идти на нужды синагоги и еврейского бесплатного училища. Это пожертвование было не единичным –

несколькоими месяцами ранее они внесли в фонд еврейского благотворительного общества 3 тыс. рублей (Романов, 1994: 204).

Но с течением времени возможности для финансирования сужались, а поток мигрантов всё не ослабевал. В результате национальные общества всё чаще были вынуждены обращаться за помощью к государственным структурам и всероссийским комитетам.

Однако, как уже было сказано, такая же ситуация наблюдалась и у них. «Отсутствие кредита для удовлетворения нужд беженцев, – писал осенью 1916 года томский губернатор в срочной телеграмме в Петроград, – ставит меня в крайне затруднительное положение» (Юшковский, 2005: 177). Ответное молчание столицы привело к тому, что все субсидии из регионального бюджета всем национальным обществам были сокращены практически вдвое. А такие статьи расходов, как «призрение детей» и «культурно-просветительские мероприятия», и вовсе вычеркнуты.

5. Заключение

В итоге недальновидная политика верхов, метавшихся от идей строгого подчинения образования государству к попыткам переложить все (особенно финансовую часть) затраты на общественные организации и региональные власти, дискредитировала и фактически нейтрализовала положительные моменты деятельности последних. Значительную роль также сыграло отсутствие какой-либо разработанной методики в области духовной помощи мигрантам, что в первую очередь объяснялось неверным взглядом на значимость образовательных и в целом культурных потребностей для переселенцев.

Ситуацию не изменили даже революция и преобразование политических структур. Короткий период действия Временного правительства, как известно, ознаменовался почти полной преемственностью имперских политических тенденций. В то же время, несмотря на провозглашённый новой советской властью отказ от имперских традиций, на деле занятая ими позиция оказалась точным следованием линии предыдущей власти. В подконтрольных им регионах советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, ввиду создания нового органа, долженствующего заменить все доныне существовавшие комитеты и попечительства о беженцах, обязали взять на своё обеспечение всех детей беженцев, обучающихся в различных учебных заведениях. Возврат исключённых за неуплату и строгий запрет на исключение таких учеников легли дополнительным грузом на и без того разорённых учредителей образовательных учреждений. Результатом стала дальнейшая деконструкция как властных полномочий местных административных органов, так и авторитета публичных организаций.

Литература

- [Анфимов, 1962](#) – Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962. 383 с.
- [Брук, Кабузан, 1991](#) – Брук С.И., Кабузан В.М. Миграционные процессы в России и СССР / АН СССР. ИИОН; Об-во «Родина». М., 1991. Вып. 1. 129 с.
- [Волков, 1930](#) – Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 272 с.
- [ГАИО](#) – Государственный архив Иркутской области.
- [ГАКК](#) – Государственный архив Красноярского края.
- [ГАРФ](#) – Государственный архив Российской Федерации.
- [Гатрелл, 2001](#) – Гатрелл П. Беженцы в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 2001. №4(122). С. 46-72.
- [Замоцгин, 1915](#) – Замоцгин М. Восточно-Сибирской союз городов // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. №4-5. С. 8.
- [Керстен, 1917](#) – Керстен Я. Литовцы-беженцы в Туле. Тула, 1917. 35 с.
- [Китанина, 1985](#) – Китанина Т. М. Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Л.: Наука, 1985. 340 с.
- [Краткий обзор..., 1916](#) – Краткий обзор деятельности Прибалтийского Латышского комитета по оказанию помощи беженцам, бывший отдел для оказания помощи беженцам при ЛКВ с 8-го июля 1915 г. по 8 янв. 1916 г. Рига, 1916. 257 с.
- [Кудринский, 1997](#) – Кудринский Ф. Людские волны. Беженцы (переиздание 1917 года) // Неман. 1997. № 6. С. 76-194.
- [Курцев, 1999](#) – Курцев А.Н. Беженство / Россия и Первая мировая война. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. С. 129-146.
- [Кустов, 1917](#) – Кустов Н.И. Краткие очерки о деятельности национальных и благотворительных организаций, оказывающих помощь беженцам в гор. Москва. М., 1917. 389 с.
- [Матасов, 1916](#) – Матасов М. Отчет о деятельности Школьной секции Красноярского Комитета помощи беженцам с 1-го сентября по 15-е марта 1916 г. // Вестник Приенисейского Края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и выселенцам и промышленности по снаряжению армии. 1916. 28 августа. С. 33, 34.

[Мировой кризис..., 2005](#) – Мировой кризис 1914–1920 гг. и судьба восточно-европейского еврейства. М.: РОССПЭН, 2005. 447 с.

[Нам, 2003](#) – Нам И.В. Численность и национальный состав беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны / Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: IV науч. чтения пам. проф. А.П. Бородавкина: сборник научных трудов. Барнаул, 2003. Кн. II. С. 277–280.

[Нарым, 1915](#) – Нарым // Сибирская жизнь. 1915. 13 января. С. 3.

[Островский, 2012](#) – Островский Л.К. Польская школа в Западной Сибири (1890 – 1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2012. История. № 3 (19). С. 23–29.

[Очерк..., 1915](#) – Очерк деятельности Комитета Ее императорского высочества Великой княжны Татианы Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий, со дня основания по 1 января 1916 г. Пг., 1915. 509 с.

[Отчет..., 1916](#) – Отчет в израсходовании сумм Татьянинского Комитета по Красноярскому комитету помощи беженцам по 15 марта 1916 г. // Вестник Приенисейского Края помощи больным и раненым воинам, пострадавшим от войны, беженцам и выселенцам и промышленности по снаряжению армии. 1916. 28 августа. С. 52–53.

[Павлова, 2003](#) – Павлова И.П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск, 2003. 152 с.

[Рацкевич, 1916](#) – Рацкевич О.Г. Беженцы в Новороссийске. Новороссийск, 1916. 86 с.

[Резолюция..., 1915](#) – Резолюция Совещания, представителей организаций, ведающих делом помощи беженцам в пределах Иркутского Генерал-Губернаторства / Совещание по вопросам признания беженцев (1915; Иркутск). Протоколы Совещания по вопросам признания беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске. Иркутск, 1916. С. 86.

[Романов, 1994](#) – Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902 – 1924 гг. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 560 с.

[Сборник..., 1917](#) – Сборник циркуляровъ Комитета ея императорского высочества великой княжны Татианы Николаевны. Вып. 1. С сентября 1914 года по январь 1917 года. Пг.: Б. и., 1917. 114 с.

[Сиб., 1915](#) – Сиб. Сибирское муниципальное обозрение // Вестник Красноярского городского общественного управления. 15 сентября 1915 г. С. 20.

[Сидоров и др., 1968](#) – Сидоров А.Л., Бовыкин В.И., Волобуев П.В. Экономические и социальные проблемы Первой мировой войны / Первая мировая война. М., 1968. С. 179–191.

[Сидоров, 1973](#) – Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. 655 с.

[Солодков, 1967](#) – Солодков Т.Е. Борьба трудящихся Белоруссии против царизма: 1907 – 1917 гг. Минск: Наука и техника, 1967. 373 с.

[Сулимов, 2012](#) – Сулимов В.С. Гимназии Ишима во второй половине XIX – начале XX веков. Тюмень: ТОГИРРО, 2012. 208 с.

[Сулимов, Гончаров, 2021](#) – Сулимов В.С., Гончаров Ю.М. Обучение польских беженцев в Западной Сибири во время Первой мировой войны / Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в.: сб. науч. трудов к 45-летию доктора исторических наук Шайдурова Владимира Николаевича. Выпуск V. СПб., 2021. С. 190–195.

[Щеров, 2000](#) – Щеров И.П. Миграционная политика России в 1914 – 1922 гг. Смоленск: СГПУ, 2000. 316 с.

[Юшковский, 2005](#) – Юшковский В.Д. Соломон и другие. Томские евреи: лица на полотне. Красноярск: Изд-во «Кларетианум», 2005. 296 с.

[Gatrell, 2005](#) – Gatrell P. A Whole Empire Walking / Bloomington: Indiana University Press, 2005. 317 p.

References

[Anfimov, 1962](#) – Anfimov, A.M. (1962). Rossijskaja derevnja v gody Pervoj mirovoj vojny [Russian village during the First World War]. M. 383 p. [in Russian]

[Bruk, Kabuzan, 1991](#) – Bruk, S.I., Kabuzan, V.M. (1991) Migracionnye processy v Rossii i SSSR [Migration processes in Russia and the USSR]. AN SSSR. INION; Ob-vo «Rodina». M. T. 1. 129 p. [in Russian]

[GAIO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State Archive of the Irkutsk Region].

[GAKK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya [State Archive of the Krasnoyarsk Region].

[GARF](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].

[Gatrell, 2001](#) – Gatrell, P. (2001). Bezhentsy v Rossii v gody Pervoi mirovoi vojny [Refugees in Russia during the First World War]. Istoricheskie zapiski. 4(122): 46–72. [in Russian]

[Gatrell, 2005](#) – Gatrell, P.A. (2005). Whole Empire Walking. Bloomington: Indiana University Press. 317 p.

[Kersten, 1917](#) – Kersten, Ya. (1917). Litovtsy-bezhentsy v Tule [Lithuanian refugees in Tula]. Tula. 35 p. [in Russian]

Kitanina, 1985 – *Kitanina, T.M.* (1985). *Voina, khleb i revolyutsiya (Prodovol'stvennyi vopros v Rossii. 1914 – oktyabr' 1917 g.)* [War, bread and revolution (Food issue in Russia. 1914 – October 1917)]. L.: Nauka. 340 p. [in Russian]

Kratkii obzor..., 1916 – Kratkii obzor deyatel'nosti Pribaltiiskogo Latyshskogo komiteta po okazaniyu pomoshchi bezhentsam, byvshii otdel dlya okazaniya pomoshchi bezhentsam pri LKV s 8-go iyulya 1915 g. po 8 yanv. 1916 g. A brief overview of the activities of the Baltic Latvian Refugee Assistance Committee, a former department for assisting refugees at the LKV from July 8, 1915 to January 8, 1916]. Riga, 1916. 257 p. [in Russian]

Kudrinskii, 1997 – *Kudrinskii, F.* (1997). *Lyudskie volny. Bezhentsy (pereizdanie 1917 goda)* [Human waves. Refugees (1917 reissue)]. *Neman.* 6: 76-194. [in Russian]

Kurtsev, 1999 – *Kurtsev, A.N.* (1999). *Bezhenstvo [Fleeing]. Rossiya i Pervaya mirovaya voina.* SPb.: Izd-vo «Dmitrii Bulanin». Pp. 129-146. [in Russian]

Kustov, 1917 – *Kustov, N.I.* (1917). Kratkie ocherki o dejatel'nosti nacional'nyh i blagotvoritel'nyh organizacij, okazyvajushhih pomoshch' bezhencam v gor. Moskva [Brief essays on the activities of national and charitable organizations providing assistance to refugees in Moscow city]. M. 389 p. [in Russian]

Matasov, 1916 – *Matasov, M.* (1916). *Otchet o dejatel'nosti Shkol'noj sekcii Krasnojarskogo Komiteta pomoshchi bezhencam s 1-go sentyabrja po 15-e marta 1916 g.* [Report on the activities of the School Section of the Krasnoyarsk Committee for Assistance to Refugees from September 1 to March 15, 1916]. *Vestnik Prieniseiskogo Kraja pomoshchi bol'nym i ranenym voinam, postradavshim ot voiny, bezhentsam i vyselentsam i promyshlennosti po snaryazheniyu armii.* 28 avgusta. P. 33, 34. [in Russian]

Mirovoi krizis..., 2005 – Mirovoi krizis 1914–1920 gg. i sud'ba vostochno-evropeiskogo evreistva [The world crisis of 1914 – 1920 and the fate of East European Jewry]. M.: ROSSPEN, 2005. 447 p. [in Russian]

Nam, 2003 – *Nam, I.V.* (2003). *Chislenost' i nacional'nyj sostav bezhencev v Sibiri v gody Pervoj mirovoj vojny* [The number and national composition of refugees in Siberia during the First World War]. Istoricheskii opyt khozyaistvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoi Sibiri: IV nauch. chteniya pam. prof. A.P. Borodavkina: sbornik nauchnykh trudov. Barnaul. Kn. II. Pp. 277-280. [in Russian]

Narym, 1915 – Narym [Narym]. *Sibirskaya zhizn'.* 1915. 13 yanvarya. P. 3. [in Russian]

Ocherk..., 1915 – Ocherk dejatel'nosti Komiteta Ee imperatorskogo vysochestva Velikoj knjazhny Tatiany Nikolaevny po okazaniju vremennoj pomoshchi postradavshim ot voennyh bedstvij, so dnja osnovanija po 1 janvarja 1916 g. (1915) [An essay on the activities of the Committee of Her Imperial Highness Grand Duchess Tatiana Nikolaevna to provide temporary assistance to victims of military disasters, from the date of foundation to January 1, 1916]. Pg. 509 p. [in Russian]

Ostrovskij, 2012 – *Ostrovskij, L.K.* (2012). *Pol'skaja shkola v Zapadnoj Sibiri (1890 – 1920 gg.)* [Polish school in Western Siberia (1890 – 1920)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya.* 3(19): 23-29. [in Russian]

Otchet..., 1916 – *Otchet v izrashodovanii summ Tat'janinskogo Komiteta po Krasnojarskomu komitetu pomoshchi bezhencam po 15 marta 1916 g.* (1916) [Report on the expenditure of the sums of the Tatyana Committee on the Krasnoyarsk Committee for Assistance to Refugees on March 15, 1916]. *Vestnik Prieniseiskogo Kraja pomoshchi bol'nym i ranenym voinam, postradavshim ot voiny, bezhentsam i vyselentsam i promyshlennosti po snaryazheniyu armii.* 1916. 28 avgusta. Pp. 52-53. [in Russian]

Pavlova, 2003 – *Pavlova, I.P.* (2003). *Social'noe popechenie v Rossii s gody Pervoj mirovoj vojny* [Social care in Russia since the First World War]. KrasGAU: Krasnoyarsk. 152 p. [in Russian]

Rackevich, 1916 – *Rackevich, O.G.* (1916). *Bezhency v Novorossijske* [Refugees in Novorossiysk]. Novorossijsk. 86 p. [in Russian]

Rezolyutsiya..., 1915 – Rezolyutsiya Soveshchaniya, predstavitelei organizatsii, vedayushchikh delom pomoshchi bezhentsam v predelakh Irkutskogo General-Gubernatorstva [Resolution of the Meeting, representatives of organizations in charge of helping refugees within the Irkutsk Governor General]. Soveshchanie po voprosam prizreniya bezhentsev (1915; Irkutsk). Protokoly Soveshchaniya po voprosam prizreniya bezhentsev, sostoyavshegosya 21–23 noyabrya 1915 g. v Irkutiske. Irkutsk, 1916. P. 86. [in Russian]

Romanov, 1994 – *Romanov, N.S.* (1994). *Letopis' goroda Irkutska za 1902 – 1924 gg.* [Chronicle of the city of Irkutsk for 1902 – 1924]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo. 560 p. [in Russian]

Sbornik...., 1917 – Sbornik cirkuljarov Komiteta eja imperatorskago vysochestva velikoj knjazhny Tatiany Nikolaevny. Vyp. 1 S sentyabrja 1914 goda po janvar' 1917 goda (1917) [Collection of circulars of the Committee of Her Imperial Highness Grand Duchess Tatiana Nikolaevna. No. 1 From September 1914 to January 1917]. Petrograd : B. i. 114 p. [in Russian]

Shherov, 2000 – *Shherov, I.P.* (2000). *Migracionnaja politika Rossii v 1914 – 1922 gg.* [Migration policy in Russia 1914 – 1922]. Smolensk, SGPU. 316 p. [in Russian]

Sib., 1915 – Sib. Sibirskoe munitsipal'noe obozrenie [Siberian municipal review]. *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya.* 15 sentyabrya 1915 g. P. 20. [in Russian]

Sidorov i dr., 1968 – *Sidorov, A.L., Bovykin, V.I., Volobuev, P.V.* (1968). *Jekonomicheskie i social'nye problemy Pervoj mirovoj vojny* [Economic and social problems of the First World War]. Pervaya mirovaya voina. M. Pp. 179-191. [in Russian]

- [Sidorov, 1973](#) – Sidorov, A.L. (1973). Ekonomicheskoe polozhenie Rossii v gody Pervojoj mirovoj vojny [The economic situation of Russia during the First World War]. M. 655 p. [in Russian]
- [Solodkov, 1967](#) – Solodkov, T.E. (1967). Bor'ba trudjashhihsja Belorussii protiv carizma: 1907 – 1917 gg. [The struggle of the working people of Belarus against tsarism: 1907 – 1917]. Minsk: Nauka i texnika. 373 p. [in Russian]
- [Sulimov, 2012](#) – Sulimov, V.S. (2012). Gimnazii Ishima vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vekov [Ishim gymnasiums in the second half of the XIX – early XX centuries]. Tyumen': TOGIRRO. 208 p. [in Russian]
- [Sulimov, Goncharov, 2021](#) – Sulimov, V.S., Goncharov, Ju.M. (2021) Obuchenie pol'skih bezhencev v Zapadnoj Sibiri vo vremja Pervojoj mirovoj vojny [Training of Polish refugees in Western Siberia during World War I] Modern historical Siberian studies of the XVIII – early XX centuries.: collection of scientific works to the 45th anniversary of the doctor of historical sciences Shaidurov Vladimir Nikolaevich. Vol. V. Sankt-Peterburg. Pp. 190-195. [in Russian]
- [Volkov, 1930](#) – Volkov, E.Z. (1930). Dinamika narodonaselenija SSSR za vosem'desjat let [Population dynamics of the USSR over eighty years]. Moskva; Leningrad: Gos. izd-vo. 272 p. [in Russian]
- [Yushkovskii, 2005](#) – Yushkovskii, V.D. (2005). Solomon i drugie. Tomskie evrei: lica na polotne [Solomon and others. Tomsk Jews: faces on the canvas]. Krasnoyarsk: Izd-vo «Klaretianum». 296 p. [in Russian]
- [Zamoshchin, 1915](#) – Zamoshchin, M. (1915). Vostochno-Sibirskoi soyuz gorodov [East Siberian union of cities]. Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya. 4-5: 8. [in Russian]

Механизмы обеспечения образовательных нужд недобровольных мигрантов на территории Сибири в годы Первой мировой войны

Александра С. Кузьменко ^{a, b, *}, Людмила Е. Мариненко ^a, Екатерина А. Григорьева ^a

^a Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

^b Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. Усиление миграционных потоков в условиях эскалации локальных военных конфликтов и вспыхивающих очагов террористической опасности заставляет любое государство уделять особое внимание работе с недобровольным переселением, в первую очередь при реализации политической линии национальной безопасности. Первая мировая война актуализировала феномен недобровольной миграции, усилив уже известные и поставив новые адаптационные задачи, среди которых находим и образовательный аспект. При этом следует отметить, что, несмотря на то, что изучением миграционных процессов в рассматриваемое время занимался целый ряд исследователей из разных областей, проблема их адаптации, как правило, рассматривалась лишь в аспекте благотворительности. Однако в настоящее время исследовательский интерес концентрируется преимущественно на проблемах организации процесса образования для отдельных этнических групп, игнорируя более широкий предмет исследования – образовательную деятельность в отношении мигрантов в целом, как представителей различных социальных групп и общностей. Целью данной статьи является анализ механизмов обеспечения образовательных нужд недобровольных мигрантов на территории Сибири в годы Первой мировой войны. Учитывая масштаб недобровольной миграции и сложность её внутренней структуры, за основу был взят системный подход. В работе применены историко-социологический и историко-типологический методы, позволившие выявить типичные структурные механизмы общественной деятельности в сфере образования мигрантов. В результате проведённого исследования авторы пришли к выводу, что недальновидная политика верхов, метавшихся от идей строгого подчинения образования государству к попыткам переложить все затраты (особенно финансовую часть) на общественные организации и региональные власти, дискредитировала и фактическинейтрализовала положительные моменты деятельности последних. Значительную роль также сыграло отсутствие какой-либо разработанной методики в области духовной помощи мигрантам.

Ключевые слова: недобровольные мигранты, образование, Комитет Её Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны, Сибирь, Первая мировая война.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: edu.hi@mail.ru (А.С. Кузьменко), lmarinenko@sfu-kras.ru (Л.Е. Мариненко), ekrigoreva@sfu-kras.ru (Е.А. Григорьева)